

А.Т. Хамраев^{1*}, А.Т. Калиаскарова²

^{1,2} *Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Алматы, Казахстан*

E-mail: ¹alikh182009@yahoo.com, ²ainur_kali@inbox.ru

ORCID: ¹0000-0002-1922-013X, ²0000-0001-9796-5535

КАЗАХСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЙ ПОЭТЕССЫ Н.М. ЧЕРНОВОЙ

Аннотация. Н.М. Чернова является известной русской казахстанской поэтессой, переводчицей и литературным критиком. Она – автор более 20 книг. «Возраст августа», «Цветущий саксаул», «Помню», «Возращение аистов», «Кочевница – Жизнь», «Бродячие сюжеты», «Звезды земли», «Только о любви», «Солнцеворот», «Приди и останься», «Огнецвет», «На два голоса», «Небесный дом», «Картины бытия», «Седьмая верста», «Мороз – трава», «Кудыкины горы» Н. Черновой стали достоянием словесной культуры нашей многонациональной страны. Многие поэтические произведения Н.М. Черновой вошли в учебники казахстанских школ. Её произведения побуждают читателей к эстетическому осмыслению окружающей действительности, ушедшего времени, исторической памяти, смены поколений, человеческих чувств (любви и ненависти, нежности и печали, доброте и красоте, покаянии и т.д.). В итоге казахская картина бытия Н. Черновой выступает как единый поэтический мегаобраз, в основе которой отражены проблемы дуального восприятия, созерцания и представления о мире, приведшие к постепенному утверждению эстетико-философской концепции об объективном единстве евразийской действительности. Рецепция евразийской общности обусловлена социально – историческими и межкультурными имперсональными категориями ее творчества. Лирика поэтессы, безусловно, становится феноменом специфического и вместе с тем реального отражения казахстанского общественно-культурного сознания второй половины XX века.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования BR18574216 «Транзит культурных ценностей во времени и пространстве».

Ключевые слова: казахская картина бытия, дуальное восприятие, мегаобраз, мотив, эстетическая концепция.

А.Т. Хамраев^{1*}, А.Т. Қалиасқарова²

^{1,2} *М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, Алматы, Қазақстан*

E-mail: ¹alikh182009@yahoo.com, ²ainur_kali@inbox.ru

ORCID: ¹0000-0002-1922-013X, ²0000-0001-9796-5535

Орыс ақыны Н.М. Чернованың шығармашылығындағы қазақ тақырыбы

Аңдатпа. Н.М.Чернова – орыстың белгілі қазақстандық ақыны, аудармашы және әдебиеттанушысы. Ол 20-дан астам кітаптың авторы. Ақынның «Возраст августа», «Цветущий саксаул», «Помню», «Возращение аистов», «Кочевница – Жизнь», «Бродячие сюжеты», «Звезды земли», «Только о любви», «Солнцеворот», «Приди и останься», «Огнецвет», «На два голоса», «Небесный дом», «Картины бытия», «Седьмая верста», «Мороз – трава», «Кудыкины горы» және басқа көркем шығармалары көпұлтты еліміздің мәдениет қазынасына айналды. Ақынның көптеген өлеңдері қазақ мектептерінің орыс әдебиеті оқулықтарына енгізілген. Оның шығармалары оқырмандарды өмір шындығымен, өткен заман, тарихи жады мен ұрпақтың ауысуы туралы мәселелерді және адамгершілік сезімдерді (махаббат пен

жек көрушілік, нәзіктік пен мұңдылық, мейірімділік пен сұлулық, тәубе т.б.) эстетикалық талап және философиялық тұрғыдан түсінуге шақырады. Соның нәтижесінде Н. Чернованың суреттеуіндегі қазақ болмысының бейнесі біртұтас поэтикалық мега-бейнені қалыптастырады. Поэтикалық жүйе ретінде қызмет атқарады. Сол себептен ақынның лирикасында дүниені дуальді қабылдау бойынша толғаныс пен ой-пікірлер, проблемалар ортаға салынады. Бұл еуразиялық шындықтың объективті бірлігі негізінде ұлттық эстетикалық концепцияның біртіндеп бекітілуіне әкеледі. Еуразиялық қауымдастықты көркем қабылдау оның шығармашылығының келесі имперсоналды категорияларымен анықталады. Олар: әлеуметтік-тарихи және мәдениетаралық құбылыстар. Ақын лирикасы, әрине, XX ғасырдың екінші жартысындағы Қазақстандағы әлеуметтік-мәдени сананың нақты және бейне көрінісінің феномені болып табылады.

Алғыс: Мақала BR18574216 «Уақыт пен кеңістіктегі мәдени құндылықтардың транзиті» бағдарламалық-мақсатты қаржыландыру шеңберінде дайындалған.

Кілт сөздер: қазақ болмысының сипаты, дуальді қабылдау, мега-бейне, сарын, эстетикалық тұжырымдама.

A. T. Khamraev^{1*}, A. T. Kaliaskarova²

^{1,2} M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Almaty, Kazakhstan

E-mail: ¹alik182009@yahoo.com, ²ainur_kali@inbox.ru

ORCID: ¹0000-0002-1922-013X, ²0000-0001-9796-5535

The kazakh theme in the works of the russian poetess N.M. Chernova

Abstract. N.M. Chernova is a famous Russian Kazakhstani poetess, translator and literary critic. She is the author of more than 20 books. Her works such as «The Age of August», «Blooming Saxaul», «I remember», «The Return of storks», «Nomad – Life», «Wandering plots», «Stars of the earth», «Only about love», «Solstice», «Come and stay», «Blue cowwheat», «For two voices», «Heavenly House», «Paintings of genesis», «Seventh Verst (mile)», «Frost – grass», «Kudykiny Mountains» and others have become the property of the culture of our multinational country. Many of her poetic works were included in the anthology of Russian literature of Kazakhstani schools. These literary works encourage readers to an aesthetic understanding of the surrounding reality, the bygone time, historical memory and generations, human feelings (about love and hate, tenderness and sadness, kindness and beauty, repentance, etc.). As a result, the Kazakh picture of being N. Chernova acts as a single poetic mega-image, which is based on the problems of dual perception, contemplation and representation of the world, which led to the gradual affirmation of the aesthetic and philosophical concept of the objective unity of Eurasian reality. The reception of the Eurasian community is conditioned by the following impersonal categories of its creativity: socio – historical and intercultural. She poetess's lyrics, of course, becomes a phenomenon of a specific and real reflection of socio-cultural consciousness in the second half of the twentieth century in Kazakhstan.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Program-targeted financing of the BR18574216 «Transit of cultural values in time and space».

Keywords: Kazakh picture of being, dual perception, mega-image, motive, aesthetic concept.

1. Введение

Казахская культура и современный национальный мир оказали наиболее глубокое и долговременное влияние на творчество известной русской поэтессы, переводчика и литературного критика Н. Черновой, жизнь которой безраздельно и кровно связана с Казахстаном, с его легендарной историей, неповторимой культурой, его современностью. Более полувека поэтесса активно изучает национальную историю и быт, а также занимается переводами казахских стихотворений на русский язык. Автор глубоко проник в современный казахский быт, историческую культуру и

народную поэзию, что нашло отражение в ее стихах. В творчестве Н. Черновой можно обнаружить любопытные факты казахской исторической действительности, всевозможные мотивы степных ландшафтов и интересные образы простых людей.

Поэтесса всегда проявляла живой интерес к социокультурной жизни страны и ее насущным духовным проблемам. Такое патриотическое отношение к Родине обеспечило художественно-эстетическую многокрасочность и полифоничность ее творчества, что в свою очередь всемерно отразило глубину, искренность чувств и зрелость лирического переживания актора. Читая стихи поэтессы, казахстанский реципиент отчетливо ощущает причастность к неиссякаемой радости и полноте бытия, обусловленные изначально соприродностью ее поэтического дарования, свободной внутреннего духа и многоликостью метафорических образов.

Творческий почерк Н. Черновой формировался под влиянием И. Шухова, Н. Анова, Д. Черепанова, Дм. Снегина, М. Зверева, В. Чугунова, Ю. Домбровского и других, которые работали в тесном сотрудничестве с казахскими писателями. Главной формой такого сотрудничества стали переводы и поиски путей взаимосовершенства.

2. Методы и материалы исследования

2.1 Методы

В статье представлен анализ казахской картины бытия в художественных произведениях русской поэтессы Н. Черновой, что преопределило рецептивный метод данной работы. Такой подход позволяет интерпретировать художественно-эстетические особенности произведений поэтессы в контексте межъязыкового и межкультурного взаимодействия литератур и раскрывать специфические образные свойства конкретных стихотворений, посвященных казахской тематике. В последние годы казахстанскими учеными разрабатываются научно-теоретические основы данной тематики в аспекте ималологии. В этом контексте опора на исследовательские труды Н. Ровенского, В. Бадикова, Ш. Елеукенова, С. Ананьевой, А. Жаксылыкова и других позволяет сделать вывод об идейно-тематических и художественно-эстетических особенностях казахской тематики в творчестве Н. Черновой.

2.2 Материалы исследования

На рубеже двух тысячелетий поэтесса говорит о преходящем и вечном, пытается осмыслить себя в потоке времен, найти свой путь к добру, любви и покаянию. Ее произведения повествуют о любви и исторической памяти поколений, полной многих драм и трагических поворотов истории. Современный художественно-эстетический дискурс в лирике Н. Черновой, в которой раскрыта национальная картина мира, актуализирует пространственно-временные представления о общественно-культурной жизни народов Казахстана. Лирические мотивы отличаются по силе выразительности, глубине искренности и возвышенности. В произведениях «Солнцеворот», «На два голоса. Стихи письма», «Кочевница-жизнь», «Огнецвет», «Небесный дом», «Только о любви», «Саксаул» утверждаются неразрывность историко-культурных связей казахского и русского народов, духовное родство. Мотив «Мы крепко связаны» пронизывает все творчество Н. Черновой. Любовь к казахской земле является основой поэзии, воспевающей главные общечеловеческие ценности.

3. Обсуждение

Интерес к казахской теме, по мнению русской поэтессы, возник благодаря павлодарскому поэту Павлу Васильеву, который отмечал, что народные казахские поэты-певцы очень яркие и привлекательны, душевно близки к природе, что было обусловлено образом жизни степняков. В юности Н. Чернова с писательскими группами была во многих уголках Казахстана, где записывала местные легенды, например, в Кызыл-Орде она записала песни «О Коркуте», «Келин тюбе» и другие. Поэтесса всегда вдохновлялась фольклорными источниками, обнаруженными в селах Казахстана, и отмечала особую тягу простых людей к поэзии. Поэты и писатели подолгу выступали на холоде или в жару, но люди всегда слушали с живым интересом и просили продолжения. Н. Чернова была свидетелем зарождения и взлета популярности среди простого народа многих видных казахстанских поэтов и писателей. Н. Чернова пишет, что художники были властителями дум своего поколения. Их книги читали, их мыслями зажигались, и их стихи цитировали.

С особым благоговением Н. Чернова относилась к творчеству Мукагали Макатаева. Работая над переводами стихотворений поэта, она отмечала, что яркие национальные образы в произведениях казахского поэта позволили ей глубоко окунуться в атмосферу национальной культуры и степной жизни. Поэтесса утверждает: М. Макатаев смог объединить в своих произведениях духовные и фольклорные образы с современностью, что придавало его поэзии особую силу и значимость. Образ Мукагали оставался для поэтессы живым, открытым и острым. Поэт отличался прямолинейностью, его проникновенная лирика активно отзывалась в сердцах современников и приносила автору все большую популярность. М. Макатаев часто не вписывался в нормативную эстетику. Особым, звонким голосом он мог пообещать в зал: «Придёт ещё поэт в наш мир, придёт, / С чьих уст правдивых каплет яд и мёд. / Он станет другом душ осиротевших, / Он душу палача перевернёт. / Придёт ещё поэт в наш мир, придёт! / И молниями, посланными свыше, / Его слова зажгутся в небесах. / Немой заговорит, глухой услышит, / Слепой найдёт прозреньё в тех словах. / Придёт ещё поэт в наш мир, придёт!» (Чернова, 2020: 24). Работая над переводами произведений многих казахских авторов, Н. Чернова размышляет о феномене истинного народного поэта. Новые яркие народные поэты 1970-х, 1980-х годов «формировали за столиками «Каламгера» основы нынешней духовно-нравственной независимости Казахстана, чувствовали себя героями времени» (Чернова, 2020: 23-25).

Для поэтессы казахская земля – необыкновенное чудо света:

Отвесны скалы в изморози мха.
Их каменная кладка так глуха,
Как крепости стоят – на каждом склоне.
Осталась эхом песня пастуха,
И вдовий плач, и тонкий свист погони (Чернова, 2000: 109).

Особенно выделяется ставшая легендой несравненная Тургайская степь, которая впечатляюще живописна в мае, когда кочуют джейраны и табуны лошадей. Особый мираж местности причудливо отражает величественную картину Степи – священный символ номадов.

В лирике Н. Черновой также можно обнаружить особую любовь к таинственной семипалатинской земле. Острова вокруг песчаных бурь, которые облакаются в яркое весеннее одеяние весной и оживляют все живое, дарят путникам причудливо пеструю картину природы. Беркут, красиво распростав крылья, выскивает себе добычу, землерой искусно сидит как бы на троне, и степные травы качаются вокруг, сопротивляясь безжалостному ветру.

Почти все поэты и писатели Казахстана шли к народу, жили и творили среди него. Они были благодарны той атмосфере, от которой заряжались, вдохновлялись на новые идеи. Например, в Мангышлаке в клубе нефтяников поэтесса встретила аксакала с необычным именем – Оджагар (пламенный огонь), а его супругу звали Тыныштык (Мир). Тут же у творческой поэтессы зародился образ «образ войны и мира» в имени одной семьи. Об этой интересной ситуации она напишет: «И вот приехали мы в Макат, когда тюльпанов уже и в помине не было, а там – удивительный человек, старый нефтяник, по имени Огонь. Шустрый, худощавый старик с коричневым лицом, изрезанным морщинами как такыр. Он был весёлый и простодушный. Сам про себя шутил: мол, он Огонь, Война, а жена у него Тыныштык – Тишина, Мир, вот и получается: “Война и мир”. Так их и звали – Война и Мир. Я тут же написала – экспромтом – стихи о нём. Раньше не писала подобные экспромты. А тут – ни с того, ни с чего! – вдруг начала “джамбулить”. Прочитала стихи на вечере в клубе нефтяников. Реакция была бурная! Огонь немедленно стал народным героем, бросив мне под ноги шёлковую мерлушку. Руководитель Макаата тоже был, конечно, рад, но всё же и рассердился. Выстроил передо мной молодых, красивых ребят в хороших костюмах и ослепительно-белых рубашках: “Вот о ком надо писать! Нефтяные короли! Наша надежда! А вы тухлого старика прославили...”» (Чернова, 2020: 43).

Живое общение с народом, как показывает лирика поэтессы, самый лучший материал для писателя. Ничего не надо придумывать, там нет соцреализма, а есть романтически возвышенные житейские истории, которые составляют основу некой событийности сюжета и определяют внешнее и внутреннее духовного начала. Так, на языке В. Шукшина поэтесса воодушевленно описывает степные особенности Казахстана, переводит М. Макатаева, М. Иса, К. Ахметову, Н. Оразалина, Г. Жайлыбая и других. Отмечены также три поэмы Г. Жайлыбая, которые сильны по звучанию. Лирика А. Елгезека, которая переведена ею, сильна народными мотивами. Поэтесса высоко оценивает творчество русскоязычных Б. Канапьянова, А. Еженовой, К. Бакбергенова и других.

Творческое наследие Н. Черновой доказывает, что во второй половине XX века она была окружена замечательными людьми и прекрасным сообществом, которыми она творчески подпитывалась. Ее поэтический мир наполнен особым светом, свидетельствует об остроте женского взора, любви и обаяния.

Глиняные чашки так круглы...
Коль земля смугла – они смуглы.
На любимых нам не наглядеться,
Хоть и прожит с ними целый век.

Длинен корень у травы кокпек –
Разветвляясь, достает до сердца (Чернова, 2000: 55).

Перевал Кокпек – удивительное место в Заилийском Алатау. Он изумляет необычной красотой. Природные ландшафты и разветвляющиеся возвышения, открывающие великолепное зрелище, мгновенно поднимают настроение человеку. Повторимся, поэтический ключ, придающий определенную позитивно-эстетическую тональность лирике Н. Черновой, лежит не только в имперсональном восприятии казахской действительности, но и в особенностях познавательного интереса лирического героя к ней. Благодаря поэзии автора, мы обращаем внимание на идеи о символическом характере эстетико-когнитивной деятельности человека. Образ творческой личности глубокий, разносторонний, и он обусловлен своеобразным полифонизмом воспроизводимых смыслов в тексте, что, в свою очередь, способствует эффекту его рецепции читателями. Мы наблюдаем в лирике поэтессы непрерывную трансформацию природы и неохватный характер картины бытия, что оживляет восприятие читателя и направляет его познавательную деятельность. Проблема непрерывного эстетического поиска, познаваемости и непознаваемости (вероятно, особый нарратив ее поэзии) жизненно необходима для конструирования художественного дискурса о таинственной красоте окружающего мира, что достигается благодаря специфическим свойствам символических форм и поэтических фигур текста. Основную символическую форму восприятия поэзии Н. Черновой с точки зрения имагологического дискурса можно назвать конструктивно-позитивистской. С. Ананьева и Э. Сагинтаев этот феномен, сложившийся в Казахстане, описывают в аспекте теории «интеркультуральности» (Ананьева, Сагинтаев, 2022: 5). Имперсональная категория, лежащая в основе ее лирики, обусловлена жизнеутверждающим началом рецепции мира, которая проявляется в глубокой любви к современному бытию. Это отражено в «Целине»:

На памяти нашей и космос,
И первая целина (Чернова, 2000: 85).

Позитивистский культурогенный дискурс рассчитан на то, чтобы приобщить читателя к водовороту жизни, осознание которого зависит от восприятия самого повествователя. Лирический актер заставляет читателя полюбить и пережить реальность, и он бессознательно вдохновляется не только творчеством автора, но и реалиями жизни. Изначальность любви и жизни, неустанно торжествующая в своем постоянстве и обновлении в поэзии Н. Черновой, в вечно неиссякаемом соблазне жить, пробуждает такие же чувства у реципиента. Через лирику поэтессы реципиент, несомненно, познает свою сущность и слышит голос жизни бытия – мир без общения, без любви к обществу и человеку становится пустым и жестоким.

Синхронизация изучения русской и казахской литератур, общественно-культурный заказ на переводы национальной литературы в Казахстане способствовал всемерному утверждению бинарного культурного кода (например, «казацкий круг» и «казахский

Поиск глубокой связи с историей дает право автору воскликнуть: «Я рождена землю ощущать», «Я знаю судьбу», что становится основой для поэтического самовыражения. Стихотворения «Пушкин в казахской степи», «Саксаул», «Кобыз», «Кипчакская осень», «Жоркут», «Соловей и жаба» (поэтическая интерпретация М. Жумабаева), «Гакку» ведут к масштабности художественно-эстетического воплощения идей автора. Она смело и уверенно утверждает красоту Вселенной. В классической восточной лирике, как правило, красота Вселенной всегда остается непознаваемой до конца, процесс поиска красоты одухотворяет и совершенствует грешную суть человека. Чем больше красоты он открывает, тем шире раскрывается истина о глубине и непознаваемой широте красоты бытия, а следовательно, пути самосовершенствования человека. Но европейский актер по-своему видит эту эстетическую категорию. Автор открыто и страстно проявляет всемерную любовь к миру и человеку как созданию творца и квинтэссенция красоты. Концепты (национальная история, природа и быт казахского народа) как фактор таинственности и красоты выступают у Н.Черновой («Ночные стихи») как сфера поэтической имперсональности, а, если учесть ее дискурсивный характер, то реципиент может ощутить этот феномен в процессе восприятия.

Бинарный тип созерцания казахстанской действительности в поэзии Н. Черновой объективен и обусловлен историческим процессом, что является существенной частью большого целого – архетипического хронотопа времени и пространства, сложившегося в поствоенной советской эпохе. Двумерное художественно-эстетическое познание мира привело к трансформации не только универсальных сюжетов казахской и русской литературы, но и к модернистскому восприятию новых мировоззренческих реалий. Таким образом, отражение общих закономерностей современного национально-культурного бытия в творчестве Н. Черновой связано с усилением принципа гуманизма в послевоенной жизни советского времени, в основу которой на базе социалистического общества был заложен приоритет общечеловеческих ценностей.

Во второй половине XX века мотив отражения социалистической надежды в творчестве усилился фактически у всех писателей и поэтов страны. В. Бадиков о творчестве Н. Черновой пишет: «Современная поэзия переходит в разряд “истории литературы”, нисколько не теряя своей первозданности» (Бадиков, 2014: 183-188).

Поиск прекрасного ведет поэтессу к воспеванию идеальной реальности, обусловленной совершенством и безграничностью степных нравов.

Бессмертны в просторе туманном
Звезда, журавли, облака!
... Есть вечность седых океанов,
И вечность лесного цветка (Чернова, 2000: 27).

Автор объективно пытается выявить «историческое святое» в произведениях. Ее произведения «Тучи над Баянаулом», «Табунщик» и «По взгорьям», посвященные казахским народным песням-кюям, красноречиво свидетельствуют о том, что земля

Казахстана таит сокровенные смыслы. Каждая местность уникальна и сохраняет историческое предание. Осмысление исторических легенд и культурных символов направлено на разрушение национальной замкнутости как поиска собственного поэтического пути на рубеже веков.

Раскаленное солнце слепит,
Незнакомые сопки вокруг.
Жиренче заблудился в степи.
Не поймет он, где север, где юг (Чернова, 2000: 206).

Н. Чернова через фольклорные мотивы пытается найти ответы на вопросы о таинственных «отголосках» истории в местности, где скрываются «молчаливые», но гордые могилы, «седеющий лес» и др. Лирический герой слышит «гром телеги», «кровавые набег», «лебединые переключки», «блеск лат», «скрип горячего седла» и «песню вечной колыбели». Каждая местность хранит отголоски прежних событий, «шум степных» буйных сил, «жаркие костры», однако за «пятнистой кошкой, спрятавшейся в камыш, все видит притаившийся Иртыш» – символ вольной воды.

Таким образом, художник, создавая определенный языковой код, стремится «найти» своего читателя. Именно с этой точки зрения произведения Н. Черновой требуют подготовленного реципиента и представляют некий «сокрытый» характер. Такие произведения уникальны своей внутренней структурой и организацией. В первую очередь, поэтику поэтессы можно отнести к фольклорной исторической духовной параллели или бинарной эстетической лирике как особому виду художественного синтеза русской и казахской литературы, возникшему во второй половине XX века и успешно развивающемся до настоящего времени.

Или что хранит берег Жасыбая
Крутые скалы огибая,
К воде слетает синева.
На перевале Жасыбая
Растет колючая трава.

Здесь погребен былинный воин,
Свет излучает скорбный прах,
И ветер плакальщицей воеет,
И тенью бродит Аруах (Чернова, 2000: 111).

Очевидно, что поэтесса, познавая степную действительность и кочевой дух, по-иному, как бы изнутри, осознают свою духовную принадлежность к этнокультурному началу. Так бинарная эстетическая конструкция становится доминирующей в ее творчестве. словно показывая неразрывную крепкую связь двух народов, не скрывает свое обостренное чувство, передающее через мотив «двуединства» душ и ведущее к формированию новой эклектической бинарной концепции патриотизма. Бинарная

эстетическая категория оказывает непомерное влияние на поэтессу, продвигает ее к активному словотворчеству, что объективно ведет к созданию некоего поэтического «сверхсмысла».

Произведения Н. Черновой, посвященные казахской истории, всегда имеют глубокий идейный подтекст. Например, стихотворение «Легенда о верблюде, услышанная в Семипалатинской степи» – произведение, глубокое по содержанию, непростое по форме. Во-первых, в данном стихотворении представлена сложная система поэтических образов, расположенных на различных структурно-композиционных уровнях текста, без всестороннего анализа которого трудно проникнуть в идейно-тематическую сущность произведения. Название стихотворения «Легенда о верблюде» представляет скрытую, но сильную символическую позицию текста. Для лирического актора важно, чтобы реципиент после прочтения текста еще раз вернулся к его названию. Название произведения выступает в роли поэтической фигуры – метафоры, скрывающей дискурс не только о тяжелой степной жизни кочевников, но и его понимание свободы, воли, пути, скитания и др. В заглавии обозначен хронотоп: перед реципиентами лирической герой – странник, влекомый в путь неведомой силой и жаждущий бессознательно слиться со свободой верблюда в необъятном казахском степном просторе.

В контексте стихотворения обращает на себя внимание внутренняя композиционная форма текста, которая состоит из трех составных частей. В первой части поэтесса говорит о гордом, «как черная гора», верблюде.

Был горд верблюд, как черная гора –
Она горбатый профиль повторяла,
И облако, как пену с губ, роняла,
Когда искал верблюдицу бура (Чернова, 2000: 194).

Эпитет «черная» выполняет сквозную образную функцию. Он повторяется как семиотический знак, и его смысловая и эмоциональная нагрузка распространяются на весь текст. Более того, данный эпитет со словосочетанием «обречена на гибель» в конце стихотворения представляет формулу «пространственного психологического параллелизма» (термин Ю. Лотмана).

В первой части перед читателями время выступает как недвижимая и неизменчивая категория. Жизнь верблюда имеет славное прошлое: «И облако, как пену с губ, роняла», всю войну таскал «воду в бурдюках тяжелых», «ребятню домой везет из школы» и «ржавым плугом пашет целину». Однако, во второй структурной части текста поэтесса переходит к другому описанию сюжета: «А нынче – слег. / Свисает жалко шерсть. / И нестерпимо взгляд его печален. / На крик верблюдиц он не отвечает. / И ничего давно не хочет есть». Хозяин верблюда не спит «целых шесть ночей» и трудно дышит, но приговор ветеринара, предлагающего раскольниково решение (герой Ф. Достоевского), суров, что усиливает в синтаксической части стихотворной строки словесно-эмоциональный сбой и пропуск: «Уж лучше сам убей...». Но традиция кочевников иная: на седьмую ночь (число, свидетельствующее

о живой силе Вселенной, знаковое для номадов) хозяин открывает загон и отпускает верблюда в степь.

Образ «степь» равен образу «воля». При этом образ лирического актора необычен: «Там вылетал огонь из-под земли, / волною страшной всадников сбивая. / Там не росли колосья аккурат. / Там не пускали корни ковыли». Перед читателями предстает семипалатинская степная картина прошлого, трагическая и таинственная. В третьей части автор вновь сознательно вводит прием параллелизма – образ старого, уставшего хозяина. Пространственный параллелизм – гордый горбатый «верблюд, как черная гора» в начале произведения уступает место строке: «хозяин стал горбатым как гора» в конце стиха. Появляются мотивы «быстротечности времени» вместо прежнего застывшего процесса. Перекликаются и актуализируются образы-метафоры «молодость – старость». Второй образ («старость») более сложен. Отчетливо наблюдается синтетическое скрещивание скрытой метафоры и открытого сравнения. Это часто используемый художественный прием в произведениях Н. Черновой. Также противопоставлены образы «степь» – «загон». Степь символизирует свободу, загон – замкнутое пространство. Затем автор вводит свою главную идею: «Всесильна жизнь». Она является эстетической и смысловой доминантой всего стихотворения и связывающей со всеми структурно-композиционными уровнями лаконичного текста, которые работают на всемерное выражение авторского замысла. Герой стихотворения – путник, одновременно, созерцатель, ищущий волю. На раскрытие художественной идеи направлены не только образы и мотивы, но и выразительные средства произведения, в частности: эвфония стиха (чередование в строках согласных *ж* и *ш*), повторы (*то, там*), инверсии, строчные и антонимические параллелизмы «*сильный и слабый*» и т.д. Обилие звуковых повторов и параллелизмов также придают стихотворению музыкальность и благозвучие.

Концепция легенд и народных преданий, представленных в лирике поэтессы, направлена на глубинное раскрытие архетипов национальных степных мотивов и образов, сохраненных исторической памятью. Например, в произведении Н. Черновой «Легенда об аисте, услышанная на берегу Каспия» показано глубокое психологическое противоречие в сознании «скуластого властелина Тамерлана», у которого несмотря на то, что «в чалме горит рубин кровавый», «у ног лежат народы и державы», внезапно появляется жалость к «хромящему аисту», выющему гнездо на куполе его шатра. Образы «властелин» и «жалкий больной аист» представляют антитезу, с помощью которой раскрывается внутреннее драматическое состояние Тамерлана. Эпитет сказителя о «страшном одиночестве» Темира-Аксак выступает как приговор времени.

В бурьянный ров столкнул тебя палач.
И полумертвый, брошенный собакам,
Ты вдруг души своей услышал плач –
Кружился аист над тобой и плакал (Чернова, 2000: 192).

Сопоставительный образ «Тамерлан и аист» имеет скрытый смысл: «Темир-Аксак» и «хромой аист». Речь идет о хромом Тамерлане, для которого хромой аист олицетворяет его самого. У «палача» проявляются глубокие человеческие инстинкты.

В этом отношении «Легенда о зодчем, услышанная в Семиречье» имеет другую сюжетную структуру. Все композиционные части стихотворения направлены на раскрытие образа главного героя произведения, представляющего целостную идейную доминанту – «зодчего, обезглавленного тайком». Во вводной части стихотворения под образом «хитрое узорчье» скрыт важный смысл («То капли слез, то капли крови алой»), который долгое время был никому неизвестен. Каждый узор хранит тайну об Отчизне, какой-то «неспешный человек наносит на глину стен глаза, темнее ночи», через них «глядит на непрочный мир, не опуская утомленных век»:

И зодчий драгоценные часы

В раздумьях горьких медленно теряет (Чернова, 2000: 193).

Однажды длинный неустойчивый кол в фундаменте нарушил остов здания: «пошатнулся храм, и стал крениться. / И люди в страхе закрывали лица. / И на колени падали без сил». К зодчему направился разгневанный народ и стал угрожать. Но мудрец чудом «выдернул зловещий кол» и выпрямил «зеленоглавый храм». Удивление и страх овладели окружающими людьми. Слишком «искусен мастер и умен без меры!», и опасен. «Соперники» решают «обезглавить зодчего тайком». С тех пор жителей храма преследуют таинственные голоса и мелькает чья-то тень, купола не хотят молчать и тщетно пытаются кричать о несправедливости, глаза глядят сурово под глиняными стенами, почерневшими от скрытых слез. Храм не хочет мириться с коварством и злом, но его возможности ограничены.

Итак, реципиент предстает перед эстетическим актом, затрагивающим непосредственно его личное эмоциональное состояние. В целом, лирический сюжет основан на эстетическом парадоксе, где конфликт как художественный прием показывает тревожность внутреннего состояния актора. Изображение беспокойной душевной жизни лирического героя в «легендах» выступает не только доминирующей поэтической концепцией, но и главной имперсональной эстетической категорией художественного текста. Образы «юрты», «домбры», «степи» и «коня» в поэзии Н. Черновой, представленные, в частности, в стихотворениях «Тучи над Баянаулом», «По взгорьям», «У трех юрт» и «Табунщик», превращаются в поэтический концепт и имеют целостный цикловой характер (Черновой, 2000: 168). Они, как знаковые системы, связаны с образами возлюбленного и живого существа. Образ «белой Юрты как птицы кочует» по степи, воспринимается как прощание с любимым человеком. Домбра звенит и плачет, аргымаки скачут в бескрайнюю Степь: «Там ветра из песен свиты, и там каскыр крадется». Но любовь к родной земле спасает человека. «Казахская душа», по представлению лирического актора, «как степь, просторна», и ее солнечные лучи озаряют не только небо, но и землю.

Устойчивая эволюция казахской тематики в творчестве Н. Черновой показывает незыблемость внутренних законов бытия, в котором художественное освоение мира глубоко обусловлено его реальной сложностью. Реципиент вынужден находиться в усложненной, противоречивой художественной реалии, может видеть признаки сопротивления национальной традиции процессу экстенсивной модернизации.

Здесь кровь лилась, гремели грозы,
И потому горька как слезы (Чернова, 2019: 156).

«Стремление к масштабности поэтического мышления», т.е. мощная тяга к новой широте охвата жизни, по мнению С.В. Ананьевой и Т.В. Кривошаповой, являются особенной художественно-эстетической чертой лирики Н. Черновой (Ананьева, Кривошапова, 2004: 93).

4. Результаты

В целом, в имперсональном сознании поэта мы наблюдаем присутствие эстетического импульса нового времени, т.е. актер соучаствует в сотворении прекрасной эпохи (эстетическое проявление послевоенного периода развития Казахстана), где рождается новая национальная поэзия и иная словесная степная культура. Это доказывает символический и эстетический образ страны – новое чудесное «рождение цветка» как ядра имперсонального восприятия казахстанской действительности во второй половине XX века. Всегда присутствует в произведениях Н. Черновой имперсональное восприятие («волнующее впечатления») национального мира, что сопровождается восклицанием: «Вот моя земля, планета, которая называется Казахстан!». Следовательно, «концепт Родины, родной земли находит отражение в мировой поэзии» (Shamsutdinova, Ananyeva, 2020: 58). Доминирует в поэзии образ степной страны, который проявляет своеобразную идиллию состояния ее души. При таком отношении к миру недостатки человеческой деятельности и проблемы общественного обустройства, по мнению автора, не являются важными. Нарратив ее поэзии: «Звезда горит прямо над головой, смотри, вот моя планета: как раз прямо над нами...». Любовь к жизни и земле – мотив ее творчества. Такой подход соотносится и с основным устойчивым мотивом восточной классической литературы, который направлен на воспевание человека и общества как творений Творца.

5. Заключение

Таким образом, в поэзии Н. Черновой, связанной с казахской тематикой, явственно выделяются социально – историческая и межкультурная имперсональные категории. Лирика поэтессы, безусловно, является феноменом специфического и ирреального отражения общественно-культурного сознания казахстанцев второй половины XX века. Это связано с процессом духовного обновления общества, стремлением к общечеловеческим ценностям и идеалам в Казахстане, где ведущая роль гуманитарного образования, в основе которой лежали классические произведения XIX и XX веков, усилила взаимодействие литератур, личные контакты писателей и общества.

Литература:

1. Ананьева С., Кривошапова Т. Русская литература Казахстана // Литература народов Казахстана. – Алматы: НИЦ «Гылым», 2004. – С. 45-125. ISBN 9965-07-331-7.
2. Ананьева С., Сагинтаев Э. Евразийское пограничье: идея интеркультуральности // Казахстан и мировое литературное пространство: компаративные исследования / Отв. ред. С.В. Ананьева. – Алматы: Silver Press, 2022. – С. 5-29. ISBN 978-601-354-077-1.

3. Бадиков В.В. С вечностью – на чистоту: очерки современного литературного процесса Казахстана. – Алматы: Алаш, 2014. – 480 с. ISBN 978-601-7338-11-4.
4. Жакулаев А.М., Такиров С.У., Мингазова Л.И. Нарратив и исторический дискурс // «Керуен» ғылыми журналдары 78 (1) 2023. – С. 112-123. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-10>
5. Чернова Н. Алтын дала // Казахстан в моей судьбе. Хрестоматия современной литературы. 1 том. Поэзия. – Алматы: Print Express, 2019. – С. 156-157. ISBN 978-601-7946-32-6.
6. Чернова Н. Etcetera // Чернова Н. Кудыкины горы. – Алматы, 2018. – С. 208-462. ISBN 0131-5587.
7. Чернова Н. Летящие в тумане // Простор. – 2020. – № 7. – С. 3-115.
8. Чернова Н. Летящие в тумане // Простор. – 2020. – № 8. – С. 3-97.
9. Чернова Н. Приди и останься. – Алматы: Издательский дом «Жибек золь», 2004. – 176 с. ISBN 9965-637-78-4.
10. Чернова Н. Солнцеворот. Стихи. – Астана: Елорда, 2000. – 384 с. ISBN 9965-06-038-X
11. Shamsutdinova R.G., Ananyeva S.V. (2020) Poems by V. Bryusov «Native Language» and G. Tukai «Tugan el» on the issue of inter-literary dialogues // Laplage em Revista (WoS), vol.6, n.Extra B, Sept. Dec. pp. 58-63. DOI: <https://doi.org/10.24115/S2446-622020206Extra-B592>.

References:

1. Ananyeva S., Krivoschapova T. (2004). Russian literature of Kazakhstan // Literature of the peoples of Kazakhstan. Almaty: Scientific Research Center “Gylm”. – pp. 45-125. ISBN 9965-07-331-7 (in Russ).
2. Ananyeva S., Sagintaev E. (2022). Eurasian borderland: the idea of interculturality // Kazakhstan and the world literary space: comparative studies / Responsible ed. S.V. Ananyeva. Almaty: Silver Press. – pp. 5-29. ISBN 978-601-354-077-1 (in Russ).
3. Badikov V.V. (2014). From eternity to purity: essays on the modern literary process of Kazakhstan. Almaty: Alash. – 480 p. ISBN 978-601-7338-11-4 (in Russ).
4. Chernova N. (2019). Altyn dala // Kazakhstan in my destiny. Reader of modern literature. Poetry. Volume 1. Almaty: Print Express. – pp. 156-157 (in Russ).
5. Chernova N. (2004). Come and stay. Almaty: Publishing House “Zhibek Zholy”. – 176 p. ISBN 9965-637-78-4 (in Russ).
6. Chernova N. (2018). Etcetera. Chernova N. Kudykin Mountains. Almaty. – pp. 208-462. ISBN 0131-5587 (in Russ).
7. Chernova N. (2020). Letyachsie v tumane (Flying in the fog). Prostor. 7. – pp. 3-115 (in Russ).
8. Chernova N. (2020). Letyachsie v tumane (Flying in the fog). Prostor. 8. – pp. 3-97 (in Russ).
9. Chernova N. (2000). Solstice. Poetry. Astana: Elorda. – 384 p. ISBN 9965-06-038-X (in Russ).
10. Shamsutdinova R.G., Ananyeva S.V. (2020). Poems by V. Bryusov “Native Language” and G. Tukai “Tugan el” on the issue of inter-literary dialogues // Laplage em Revista (WoS), vol.6, n.Extra B, Sept. Dec. – pp.58-63. DOI: <https://doi.org/10.24115/S2446-622020206Extra-B592>. (in Eng).
11. Zhakulaev A.M., Takirov S.U., Mingazova L.I. (2023). Narrative and historical discourse. *The Scientific Journal «Keruen»* 78 (1). – pp. 112-123. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-10> (in Russ).